

О Т З Ы В
официального оппонента на диссертацию
Маркиной Елены Павловны
«Философско-культурологическая интерпретация
феномена антропокосмизма»,
представленную
на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

Актуальность темы, вынесенной в заглавие рецензируемой работы, не вызывает сомнений. Вопросы, поставленные антропокосмической мыслью, касающиеся пребывания человека в мире и их взаимодействия, с полным основанием могут быть отнесены к разряду архетипических, укоренённых в самых ранних пластах человеческой культуры. Вместе с тем, эти вопросы парадоксальным образом сочетают древность и новизну, так как каждое следующее поколение вынуждено давать на них свой ответ. Отсюда необходимость постоянного пересмотра, актуализации, перевода на язык своего времени. А наше время даёт тому дополнительные основания. Речь идёт о вызовах, которые принято называть «глобальными проблемами современности». По мнению автора представленной работы, обращение к кладезю антропокосмической мысли поможет нам дать достойный ответ.

Представленная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Во введении определены цель и задачи исследования. В качестве цели своей работы диссертант рассматривает осуществление философско-культурологической реконструкции и интерпретации человека и человечества в текстах и контекстах отечественной версии антропокосмизма. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, среди которых: рассмотрение предпосылок и идейных истоков антропокосмизма в восточной, западной и русской философских традициях и культурно-исторических системах знания; выявление специфики понимания человека в религиозно-философском дискурсе антропокосмизма; выявление антропокосмической проблематики в контексте философии «русского космизма»; осуществление концептуализации отечественной версии антропокосмизма в качестве проекта онтологии целостного видения человека и космоса. Материал, излагаемый диссертантом, и его структура, в полной мере соответствуют обозначенным цели и задачам.

Достаточно грамотно определены теоретико-методологические основы исследования. Основу исследовательской модели, предложенной диссертантом, образует реконструкция смыслов базовых концептов антропокосмической мысли: «человек», «человечество», «космос», «природа». С тем, чтобы выявить черты общего и особенного в позициях

различных представителей антропокосмизма, автор прибегает к компаративному методу.

В первой главе автор идентифицирует феномен антропокосмизма и прослеживает его генезис. Диссертант определяет исследуемый феномен как универсальный, обнаруживающийся в различных географических и историко-культурных контекстах, рассматривающий человека «не как центр мира, а как его органическую часть, ответственную за становление мирового единства» (с. 16). В качестве источниковой базы антропокосмизма рассматривается широкий спектр религиозных и философских доктрин, от буддизма и индуизма до немецкой классической философии. В качестве конкретно-исторической формы антропокосмического мировоззрения выделен «русский космизм», фундамент которого образует сплав натурфилософского поиска, пафоса экологической ответственности и идеи духовного преображения человечества. Истоки идейного своеобразия «русского космизма» диссертант справедливо усматривает в специфической атмосфере, характерной для российской интеллектуальной жизни рубежа XIX – XX столетий, связывая её с феноменом «нового религиозного сознания», постсекулярной идеологии, декларировавшей возврат к религии, но трактовавшей её не-каноническом, не-традиционалистском ключе. Отмечая многослойность идейного фундамента отечественной версии антропокосмизма, автор, тем не менее, настаивает на решающей роли православного христианства, оговариваясь при этом, что православие «русских космистов» не тождественно каноническому православию.

Вторая глава полностью посвящена локализации антропокосмической проблематики в отечественной философии. Диссертант придерживается расширительной трактовки философии «русского космизма», распространяя это наименование не только на привычный набор персоналий «отцов-основателей» учения (Н.Ф. Фёдоров, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский). Согласно автору, во второй половине XX – начале XXI века «русский космизм» переживает второе рождение, а антропокосмические идеи выдвигаются в центр отечественной философии и науки. По мысли автора, этот феномен объясняется насущной потребностью в формулировке познавательной, нравственной и управленческой парадигмы, которая стала бы достойным ответом на вызовы современности. По нашему мнению, параграф 2.2., посвящённый концептуализации антропокосмизма в отечественной науке и философии последних десятилетий, является наиболее удачным, самостоятельным, вносящим несомненный вклад в исследование антропокосмической проблематики.

Аргументация диссертанта в целом логична и обоснованна. Методы адекватны задачам проводимого исследования. Диссертанту удалось показать специфику антропокосмического стиля мышления, проследить его в развитии, определить и доказать актуальность обращения данной теме.

Вместе с тем, хотелось бы высказать ряд замечаний. Все они, каждое по-своему, развивают тему контекстуальности как принципиально неустранимого измерения любого культурного феномена. В нашем случае

это означает, что выводы относительно любой конкретной формы антропокосмизма (в рецензируемой работе речь идёт преимущественно о «русском космизме»), предполагают установление и скрупулёзное изучение разнообразных контекстов её бытования, выявление связей со смежными интеллектуальными формами. Прежде всего, мы имеем в виду помещение «русского космизма» в контекст отечественной интеллектуальной истории XIX – XX вв., учёт её колебаний, «поворотов» и «развилки». Если применительно к дооктябрьскому периоду это диссертанту в целом удалось, то изображение и объяснение динамики «русского космизма» в советское время выглядят менее убедительными. В чём состояла специфика советского интеллектуального ландшафта? Каким образом маятниковые колебания в политическом климате и в официальной советской идеологии между прогрессизмом и охранительством, периодически совершавшиеся переходы от относительного плюрализма к моноидеизму и обратно, сказались на динамике антропокосмической мысли в СССР? Почему утопические проекты (а «русский космизм» во всех своих вариациях несёт на себе печать утопизма) были в различной степени востребованы на разных этапах советской истории? Вряд ли «второе рождение» «русского космизма» в 1960-80-е гг. может быть объяснено исключительно «успехами нашей науки и техники в освоении ближайшего космического пространства» (с. 5), без учёта эволюции режима и идеологии в направлении гуманизации. Остаётся ряд нерешённых вопросов, к которым, мы надеемся, Е.П. Маркина обратится в дальнейшей исследовательской работе.

Наше второе замечание касается вопроса о религиозных корнях «русского космизма», который требует более детальной проработки. Диссертант определяет последний как «православный» (шире – «христианский»), «утверждающий библейскую картину мира» (с. 8, 11, 45, 46, 48, 61), но на каком основании делается такой вывод, не совсем ясно. Так ли уж «несущественны» различия между «русским космизмом» и «чистым» православием? Только ли к эсхатологическим вопросам они сводятся? Как нам представляется, единственным источником аргументов в пользу того или иного решения явился бы сравнительный анализ дискурсов православной догматики и русской философии, иначе выводы повисают в воздухе. Единственным же доводом диссертанта является апелляция к центральной для «русского космизма» идее антропологического и социального активизма, которая прямо выводится из идеи благодати (с. 46, 50). Однако никаких доказательств генетической связи между ними не приводится, а простая декларация этой связи вряд ли может быть признана достаточным основанием для упомянутой выше идентификации. К сожалению, в должной мере не решён вопрос о не-христианских религиозных истоках антропокосмизма. Герметизм, гностицизм, каббала лишь однажды (с. 16-17) бегло упоминаются в качестве доктринальных источников антропокосмического мировоззрения, однако никакого развития и раскрытия этот тезис не получает. Между тем, без учёта влияния разного рода неортодоксальных мистических учений вряд ли могут быть адекватно

интерпретированы такие базовые концепты отечественной ветви антропокосмизма, как «всеединство» и «София», как, впрочем, не может получить полноценного объяснения и сам феномен «нового религиозного сознания». Вне оккультного контекста мы рискуем ничего не понять в рериховском учении. К сожалению, никак не намечена связь между современным экологическим дискурсом и псеодоцизмом.

Следующее замечание касается постоянно встречающихся в тексте утверждений диссертанта об «уникальности» и «самобытности» «русского космизма». Несомненно, здесь мы имеем дело с избытком патристических чувств, эмоционально окрашенным стремлением утвердить первенство собственной интеллектуальной культуры. Однако такого рода стремление можно считать оправданным только в том случае, если оно продуцирует утверждения, имеющие под собой доказательную базу, а не голые констатации. В нашем случае это означает, что «уникальность» и «самобытность» надо не просто постулировать – их необходимо обосновывать. Между тем, данное утверждение противоречит действительности, как в диахроническом, так и в синхроническом планах. В первую очередь, оно противоречит тому факту, что антропокосмизм является культурной универсалией, проявившей себя в различных географических и исторических контекстах, что, кстати, довольно убедительно показано диссертантом в первой главе. Далее. Отечественная версия антропокосмизма («русский космизм») никак не может быть отнесена к числу наиболее ранних форм данного мировоззрения и в силу этого не может претендовать на историческое первородство. Кроме того, одновременно с «русским космизмом» в рамках западной (да и не только западной!) культуры существовали и существуют интеллектуальные феномены, типологически близкие ему. Среди сциентистских аналогов «русского космизма» следует упомянуть витализм А. Бергсона и Х. Дришса, философию ноосферы Э. Леруа и П. Тейяр де Шардена, энергетизм В. Оствальда, философию холизма (Дж. С. Холдейн, А. Мейер-Абих, А. Леман), теорию эмерджентной эволюции С. Александера. Среди религиозных (квазирелигиозных) аналогов – теософия, антропософия, Нью Эйдж. Впрочем, любое заявление об «уникальности» и «самобытности» того или иного отечественного интеллектуального продукта последних трёх столетий (и особенно рубежа XIX – XX вв., времени генезиса «русского космизма»), когда Россия и Запад фактически оказались «сообщающимися сосудами», будет преувеличением, абсолютизацией тезиса О. Шпенглера об автаркии и герметичности культур. Гораздо корректнее вести речь о некоторой оригинальности, но даже она должна быть обоснована в соотношении с инокультурными аналогами.

Высказанные замечания не снижают общего положительного впечатления от выполненной Е.П. Маркиной работы. Диссертация «Философско-культурологическая интерпретация феномена антропокосмизма» представляет собой законченное, теоретически обоснованное исследование актуальной проблемы. Работа имеет несомненную теоретическую и практическую значимость. Она соответствует

профилю диссертационного совета Д 212.015.05 и отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям (пп. 9-11 Положения о порядке присуждения учёных степеней), утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842). Автор диссертации, Маркина Елена Павловна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

26.08.2016 г.

Официальный оппонент,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и
социологии ФГБОУ ВО «Орловский
государственный институт культуры»
Служебный адрес: 302020, г. Орёл, ул. Лескова, д.
e-mail: kaffil.ogiik@mail.ru.

Овсянников Андрей Владимирович

Подпись О. В. Овсянникова за печатью:
Ф.И.О.
15:
Зав. канцелярией О. Кеминская